

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕМЫ БОЛЬШОГО СВЕТА В VIII ГЛАВЕ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»

(К вопросу о принципах публикации рукописных материалов)

Текстологическое изучение творчества Пушкина, имея давнюю традицию, особенно успешно осуществляется в наше время. Общеизвестным достижением не только пушкинской, но и всей советской текстологии стало 16-томное академическое издание сочинений Пушкина (1937—1949), где впервые при помощи стройной системы подачи вариантов текста, наглядно воспроизводящей движение пушкинской мысли, было систематизировано и опубликовано все художественное рукописное наследие Пушкина. По причинам, не зависящим от редакторов, это издание осталось незавершенным и не совсем полным¹.

Чрезвычайно поучительны самые недостатки этого грандиозного труда, а их анализ позволил отчетливо представить и сформулировать важнейшие задачи пушкинской текстологии на ближайшее будущее². Среди этих задач «установление критического, научно обоснованного текста с разработанной всесторонне и глубоко его историей (разрядка наша. — Н. С.), с текстологическим комментарием к каждому из произведений (не говоря об историко-литературных комментариях), является первой, исходной, так сказать, задачей пушкиноведения»³.

¹ См. об этом: С. Бонди. Об академическом издании сочинений Пушкина. — «Вопросы литературы», 1963, № 2, стр. 123—132.

² См.: «Известия АН СССР, Отделение литературы и языка», т. XVIII, 1959, в. 6, стр. 556—558; «Вестник АН СССР», 1959, № 8, стр. 115—116; «Пушкин. Исследования и материалы», IV, стр. 415—417; Н. В. Измайлов. Текстология. — В кн.: «Пушкин. Итоги и проблемы изучения». Изд. «Наука», М.—Л., 1966, стр. 555—610.

³ Н. В. Измайлов. Текстология, стр. 593.

Доведение результатов этой сложной текстологической работы до читателей предполагает дальнейшее совершенствование приемов издания рукописных материалов, в частности, более дифференцированную публикацию вариантов текста, которая должна отражать не только последовательность их возникновения в рукописи, но и все основные стадии работы Пушкина над произведением, а если оно большое, то и над его частями.

В этой статье мы останавливаемся на истории создания XXIII—XXVI строф восьмой главы «Евгения Онегина», содержащих известную характеристику великосветского салона Татьяны в Петербурге, и стараемся показать необходимость дифференцированной публикации черновых и беловых рукописей в собраниях сочинений Пушкина.

Источники текста

1. Черновые наброски будущей XXVI строфы окончательного текста (№ 841). Они находятся в т. н. «арзрумской тетради» ЛБ № 2382 на листах 322—341. Так как история заполнения этой тетради не изучена, то первоначальные наброски XXVI строфы не имеют датировки.

Датировать же их можно июлем (после 19) — августом (до 10) 1830 года. Запись на листе 32₂ начинается черновым наброском письма Пушкина своей невесте Н. Н. Гончаровой от 20 июля 1830 г. из Петербурга, куда поэт возвратился 19 июля после длительного пребывания в Москве (см., XIV, 278, 452). По характеру записей и почерку, по толщине букв и цвету чернил можно предположить, что, едва приступив к письму (написано всего две строчки), поэт начал работу над мотивами будущих XXVI и XXV строф. Кроме того, непосредственно перед набросками XXVI строфы на предшествующих 31₁—32₂ листах находится т. н. «Письмо к издателю «Литературной газеты». Оно датируется 1830 годом, после 6 февраля (XI, 546) или даже после 27 марта (Томашевский, VII, 681; Оксман, 6, 542)⁴.

2. XXIII—XXV строфы беловой рукописи первоначально «девятой песни» (№ 937). Беловая рукопись — это тетрадка, сшитая из 11 листов белой плотной бумаги большого формата, согнутых пополам, так что получилась тетрадка, в которой 20 листов меньшего формата. Текст — перебеленный, со многими поправками чернилами и карандашом. XXIII—XXV строфы находятся среди других строф, пронумерованных, как обычно в беловых рукописях

⁴ См.: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах. Изд. 3, т. VII, изд. «Наука», М., 1964 и А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах. Т. 6, ГИХЛ, М., 1962.

«Евгения Онегина», римскими цифрами от I до XLI включительно. (Два листа с текстом I—IV строф вырезаны).

XXIII—XXV строфы содержат первоначальную характеристику салона Татьяны (см., VI, 626—628). XXIV и XXV строфы хранят следы раздумий Пушкина над композиционными перестановками материала темы. Номера XXIV и XXV переделаны соответственно на XXVI и XXVII. В XXIV строфе перечеркнуты двумя косыми чертами 5—14 строки (см., VI, 627). В XXV строфе перечеркнуты крест накрест 1—4 строки (см., VI, 627) и выделены справа вертикальной линией 1—8 строки⁵.

В литературе есть мнение, что этот перебеленный текст девятой песни возник в сентябре 1830 г., не позднее 25 числа (Соловьева, 23)⁶. Исследователи в данном случае опираются на дату, выставленную Пушкиным в Болдино под последней строфой главы (см., VI, 637 и фотокопию строфы там же).

Представляется, что эта датировка может быть уточнена. Перебеленный текст I—XLI строф первоначально «девятой песни», по-видимому, уже существовал до 20 июля 1830 г. В XXIII—XXV строфах беловой рукописи девятой главы о салоне Татьяны отсутствуют сатирические мотивы, развитые в черновых набросках будущей XXVI строфы окончательного текста, которые, как уже отмечено выше, могут быть датированы июлем (после 19) — началом августа 1830 г.

Трудно допустить, что беловик девятой песни мог возникнуть после появления этих сатирических набросков. Ведь их появление и последующая работа Пушкина над ними свидетельствуют о твердом намерении поэта внести сатирические черты в характеристику салона Татьяны.

Трудно допустить, что эти сатирические мотивы, возникшие в июле — августе 1830 г. и позже использованные в окончательном тексте романа, не нашли бы отражения в беловой рукописи, если бы она действительно была написана в Болдине в сентябре 1830 г., когда часть сатирических строф уже существовала (см. на стр. 5 № 938). Скорее всего дело обстоит наоборот: сорок одна строфа беловой рукописи девятой песни были переписаны до появления черновых набросков XXVI строфы, т. е. до 20 июля 1830 года. П. Вяземский, друг Пушкина, хорошо осведомленный о творческих планах поэта, отметил в записной книжке 19 декабря 1830 г.: «Третьего дни был у нас Пушкин (впервые после возвращения из Болдина. — Н. С.). Он много написал в деревне: привел в порядок 8 и 9 главу Онегина, ею и кончает... написал несколь-

⁵ В VI, 627 не отмечено, что 1—8 строки выделены справа вертикальной линией.

⁶ «Рукописи Пушкина, поступившие в пушкинский дом после 1937 года». Краткое описание. Составила О. С. Соловьева. Изд. «Наука», М.—Л., 1964.

ко повестей в прозе... (разрядка наша. — Н. С.)»⁷. В Болдине Пушкин именно приводил в порядок в основном уже законченные и перебеленные до приезда в деревню 8 и 9 главы.

Можно попытаться уточнить и эту датировку. Записи на листе 33,⁸ в ЛБ № 2382 начинаются черновиком письма Пушкина А. Н. Гончарову, деду его невесты, письмо может относиться только к дате после 6 апреля (вторичное сватовство к Наталии Николаевне, когда предложение Пушкина было принято) и не позже 3 мая 1830 г. (датировка беловика письма. См., XIV, 89, 276; № 475 и № 475а). В конце письма сбоку приписано: «И моды образцы»⁹. По-видимому, здесь записана наконец-то найденная формулировка окончания второй строки XXIV строфы окончательного текста.

Беловик этой строфы позволяет проследить процесс обработки второй строки (см., VI, 628). Первоначально было записано: «Большого света образцы». Последующая обработка перебеленного текста: «Тут были моды образцы», «И гордой моды образцы». На этой стадии работы, по-видимому, и возникла запись в ЛБ № 2382: «И моды образцы». А затем в беловике появился окончательный вариант: «И знать моды образцы». Очевидно, запись в «арзрумской тетради» отражает момент работы над строкой не раньше 3 мая 1830 г. в уже существовавшей к тому времени беловой рукописи, когда Пушкин нашел окончательную редакцию второй строки.

Таким образом, можно предполагать, что девятая глава была перебелена до 3 мая 1830 г.

3. Беловая рукопись XXIV строфы окончательного текста и другой строфы, не вошедшей в окончательный текст (№ 938). Строфы пронумерованы арабскими цифрами 24 и 25, переделанными из 25 и 26 (см. VI, 628—629). Первая из них соответствует XXIV строфе окончательного текста. Строфы записаны с двух сторон листка малого формата на бумаге, отличающейся от той, на которой написаны XXIII—XXV строфы беловой рукописи «девятой песни» (№ 937)¹⁰. Датируется сентябрем 1830 г. (Соловьева, 24).

Можно думать, что беловик этих двух строф возник вскоре после того, как была написана беловая рукопись девятой гла-

⁷ П. А. Вяземский. Записные книжки (1813—1848). Изд. АН СССР, М., 1963, стр. 208.

⁸ В XIV, 322 ошибочно указан лист 341.

⁹ Очевидно, эта запись и наброски XXVI строфы, находящиеся на одном и том же листе 331, возникли в разное время. Толщина букв, характер почерка, цвет чернил показывают, что запись: «и моды образцы» — ближе этими своими особенностями к записи письма, чем к записи набросков XXVI строфы.

¹⁰ В VI, 628 не оговорено, что строфа, помеченная арабской цифрой 25, перечеркнута Пушкиным в рукописи косой линией.

вы, т. е. в апреле — мае 1830 г. Доводы в пользу этого таковы:

а) Окончательная формулировка второй строки белового текста XXIV строфы возникла, как мы уже видели, не раньше 3 мая 1830 г., когда строфа уже существовала.

б) В XXIV строфе окончательного текста заявлен сатирический аспект характеристики салона Татьяны («Тут был однако цвет столицы...»). Над развитием же сатирической темы в черновых набросках XXVI строфы окончательного текста Пушкин работал уже в июле 1830 г.

4. Черновик XXV строфы окончательного текста (ПД № 164) и промежуточная беловая редакция этой же строфы (№ 939). Черновик написан на нижней части отдельного листа большого формата, верх которого занимает отрывок статьи «О критике» датируется 1830, сентябрь (Модзалевский, Томашевский, 69)¹¹; отрывок «О критике» датируется 1830, сентябрь (предположительно, см. XI, 546); Оксман говорит об условной датировке 1830 г. (6, 544).

Беловик строфы датируется концом августа — сентябрем 1831 г. (Соловьева, 24). Он зафиксирован на записке Жуковского Пушкину от 24—27 августа 1831 г. (см. XIV, 215 и ср. VI, 629, где записка ошибочно отнесена к июню 1831 г.).

Можно предположить, что черновик строфы также возник в августе — сентябре 1831 г. В нем, во-первых, упоминается Польша, сильно занимавшая тогда Пушкина в связи с польским восстанием (29.XI.1830 — 8.IX.1831). О нем Пушкин впервые услышал лишь 5 декабря 1830 г., когда возвратился из Болдина в Москву. Во-вторых, и черновик и беловик явственно связаны между собой характером обработки строфы, которая, по-видимому, осуществлялась в одно время.

5. Беловик строфы, оставшейся в рукописи, но имеющей отношение к XXVI строфе окончательного текста (№ 940). Строфа написана на отдельном листке, последние три строки отрезаны. Первые восемь стихов перечеркнуты Пушкиным кривой чертой, что не оговорено в VI, 630. Едва ли правильно называть эту строфу «соответствующей XXVI строфе окончательного текста» (VI, 629): «соответствуют» только первые четыре строки. Датируется 1830, сентябрем (Соловьева, 24).

Можно думать, что беловик этой строфы также, как и беловик XXV строфы окончательного текста, создавались в 1831 году, в близкое друг другу время. Стихи в обеих рукописях написаны тонким почерком, одинаковым цветом чернил. В обеих строфах обработаны мотивы, намеченные в наброс-

¹¹ «Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском доме. Научное описание». Составили Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. Изд. АН СССР, М.—Л., 1937.

ках в «арзрумской тетради» (№ 841). Возможно, что № 940 возник несколько раньше, но опять-таки где-то рядом с № 939. В № 939 композиционно завершается развитие темы придворной аристократии (2 анафоры), а в № 940 она еще только развивается (здесь 4 анафоры, а кода завершает не строфу и не тему в целом, но относится только к мотиву «сенатора сонного»).

Развитие темы

Салон друзей-единомышленников. Первоначально петербургский салон Татьяны в XXIII—XXV строфах белого автографа девятой главы (№ 937) был обрисован доброжелательно.

В салоне Татьяны собирались люди, говорившие по-русски. В зачеркнутом позже варианте Пушкин указывал на то, что инициатива непринужденного разговора на хорошем русском языке исходила от Татьяны. В XXV строфе шла речь о хорошем тоне, господствовавшем в салоне Татьяны, об ее внимании к гостям из провинции, о дружном насмешливом отношении присутствующих к «путешественнику залетному, блестящему лондонскому нахалу».

На такое изображение петербургского салона Татьяны, возможно, оказали влияние впечатления Пушкина от посещения им таких великосветских кружков, как, например, салон Е. А. Карамзиной (ее обаяние как хозяйки салона несомненно отразилось на трактовке Татьяны — светской дамы)¹².

Таким образом, первоначальное описание петербургского салона носило частный характер.

«Тут был однако цвет столицы...» Пушкин продолжал работать над главой. Ему необходимо было обосновать мотив одиночества Татьяны в свете.

По-видимому, очень скоро после того, как были перебелены 41 строфа девятой песни, еще до поездки в Болдино, возникли две новые строфы (одна из них стала XXIV в окончательном тексте, а другая не вошла в окончательный текст), пронумерованные арабскими цифрами 24 и 25 (см. VI, 628—629). В этих строфах Пушкин наметил и развивал сатирический аспект изображения салона Татьяны:

Тут был, однако, цвет столицы,
И знать, и моды образцы,
Везде встречаемые лица,
Необходимые глупцы...

Возможно, что параллельно с этими строфами возникли еще две новые строфы (XLVI и XLVII в окончательном тек-

¹² См.: Н. В. Измайлов. Пушкин и семейство Карамзиных. — В кн.: «Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов». Изд. АН СССР, М. — Л., 1960, стр. 24—25.

сте), пронумерованные также арабскими цифрами 42 и 43 (см. VI, 635), об одиночестве героини и об ее продолжающейся любви к Онегину, завершающие тему их последней встречи.

Работа над сатирическим изображением салона Татьяны продолжалась в июле 1830 года в Петербурге. Начав письмо Наталии Николаевне от 20 июля по-французски, Пушкин, очевидно, под влиянием нахлынувших мыслей тут же делает первые наброски мотивов будущей XXVI строфы окончательного текста. Эта работа отражена на листах 32₂—34₁ «арзрумской тетради» (см. VI, 512—515). В черновых набросках XXVI строфы окончательного текста Пушкин не скупился на острые прямые характеристики: глупость дам, глуп «франтик молодой», Лиза «так бестолкова»; «диктатор бальный», «известный важностью нахальной, а также глупостью своей»; в другом наброске о Лизе сказано: «так неопрятна»; отец ее — «пролаз», «нулек на ножках» и другие.

Новая стадия работы наступила, очевидно, осенью 1831 года¹³, когда Пушкин перерабатывал 8 и 9 главы «Евгения Онегина» в одну — «осьмую и последнюю», вышедшую в свет до 30 января 1832 г.

В августе — сентябре 1831 г. поэт написал черновики двух новых строф. До нас дошел только черновик строфы, известной под цифрой XXV в окончательном тексте (ПД № 164); вторая строфа не была напечатана и известна лишь по белой рукописи (№ 940). Эти строфы объединяет общая для них тема придворной аристократии (см. VI, 511—512, 629—630).

В черновике будущей XXV строфы разрабатывались: новый мотив «на все сердитого графа Турина» с перечислением объектов его неудовольствия; старый мотив «Простова, диктатора бального» (взят из черновиков 1830 г.); мотив «франтика молодого» (видоизмененный мотив «другого красавца бального» из черновых набросков 1830 г.).

Видимо, очень скоро после возникновения черновиков Пушкин создал и белые редакции этих двух строф, занимающих промежуточное положение на пути к окончательному тексту XXV и XXVI строф (VI, 629—630). Вместо «на все сердитого графа Турина» стало: «На все сердитый князь Бродин»; вместо конкретного варианта: «Простов, диктатор бальный», — стал более обобщенный: «один диктатор бальный»; вместо «франтик молодой» стало исправленное в ходе записи на более живописное: «фертик молодой»; снята тема Польши; снят мотив «вольного дома хозяйки».

¹³ «...я чувю осень и собираюсь засесть», — писал Пушкин Гоголю 25 августа 1831 г. из Царского Села; 29 августа написана «Сказка о царе Салтане»; «Жуковский все еще пишет... Я начал также...» — из письма Вяземскому от 3 сентября; черновик письма Онегина Татьяне помечен датой 9 октября.

В беловике второй, никуда не вошедшей строфы, содержались такие мотивы: мотив Проласова, заслужившего «известность низостью души» и притупившего во всех альбомах карандаши St. Priest (взят из черновиков 1830 г. с трансформацией фамилий от «графа Д.» к «Прыгову», «Тасову», «Стасову»); мотив «К. М. француза», женатого «на кукле чахлой и горбатой и семи тысячах душах». Мотив этот наводит на ассоциацию, например, с министром иностранных дел России австрийцем Карлом Нессельроде¹⁴. Любопытно, что Пушкин не остановился на более нейтральной промежуточной редакции строки: «Тут знатный барин был женатый»; мотив нечистого на руку государственного деятеля («грозный сей Катон»); мотив еще одного, престарелого сановника. Это — «сонный» член Сената, «проведший с картами свой век, для власти нужный человек». Здесь уже пряма ирония в адрес правительства, которое вполне устраивают послушные, безынициативные исполнители, предпочитающие развлечения государственным делам.

Эти строфы о придворной аристократии явились своеобразным развитием мотивов недавно написанной сатиры «Моя родословная», которая с ведома поэта сразу же получила широкое распространение в списках. Стремясь обезопасить себя от возможных выпадов со стороны своих могущественных противников и завуалировать истинный смысл сатиры, Пушкин послал «Мою родословную» царю с объяснением обстоятельств ее возникновения (см. его письмо Бенкендорфу от 24.XI.1831 г. в XIV, 242, 443). Ответное письмо от 10 декабря 1831 г., в котором Бенкендорф сообщал поэту известный отзыв Николая I о «Моей родословной» (XIV, 443), содержало недвусмысленную рекомендацию царя угомониться и прекратить распространение сатиры.

Поэт принужден был еще раз обратиться к двум готовым строфам о новой знати.

В обход августейшей воли. Внося окончательные поправки в эти строфы, Пушкин минимально изменял текст.

Первая из двух строф, написанных в 1831 году, стала XXV строфой окончательного текста. Наиболее важные изменения в ней были такие:

1) Вместо конкретной характеристики титулованного представителя придворной аристократии: «На все сердитый князь Бродин», — появилось нейтральное, более общее название посетителя салона Татьяны: «На все сердитый господин»;

2) Снят мотив «глупости дам» (последний отголосок очень распространенного в черновых набросках мотива глупости);

¹⁴ См.: И. Боричевский. Пушкин и Лермонтов в борьбе с придворной аристократией. — «Литературное наследство», т. 45—46. — Лермонтов, П., Изд. АН СССР, М., 1948, стр. 337, 338.

3) Введен в самом общем виде мотив «лжи журналов» (слабый отголосок мотива журнальной полемики 1830 года, занимавшего в беловике девятой песни целую строфу);

4) Исключены шесть строк текста (9—14), в которых разработаны были мотивы «диктатора бального» и «фертика молодого». Они использованы в следующей XXVI строфе окончательного текста.

В итоге XXV строфа оказалась неполной: шесть рядов стихов заменены шестью рядами точек. Этот пропуск стихов, заставляющий думать об умолчании какой-то важной темы, своеобразно усиливает критический пафос строфы.

Главные композиционные перестановки при определении состава XXVI строфы окончательного текста таковы: снята сатира на крупных сановников («К. М. француз», «грозный Катон», «сонный сенатор»); сохранен мотив Проласова, объекта карикатур Сен-При (1—4 строки); мотивы «бального диктатора» и «фертика молодого» из промежуточной редакции XXV строфы соединены в один мотив «другого диктатора бального», и эта обобщенная характеристика перенесена в XXVI строфу (5—8 строки); перенесен мотив «залетного путешественника» из XXV строфы беловика бывшей девятой песни в XXVI строфу (9—14 строки). Этот мотив опять-таки развит обобщенно: вместо возможного намека «блестящий лондонский нахал» появилось почти афористическое «перекрахмаленный нахал».

Принужденный считаться с августейшей волей, Пушкин на последнем этапе работы несколько приглушал сатирические оценки придворной знати, но делал это вынужденно, изобретательно выискивая более приемлемые в цензурном отношении эквиваленты своим характеристикам, не отказываясь от них по существу.

* * *

Последовательный текстологический анализ всех рукописных источников текста XXIV—XXVI строф восьмой (девятой) главы «Евгения Онегина» показывает, что эти строфы имеют сложную историю создания, что их содержание подвергалось изменениям, осуществлялись и композиционные перестановки; что создавались эти строфы в несколько приемов и в разное время (1830 и 1831 годы).

Между тем, сложная последовательность работы Пушкина над «Евгением Онегиным», в частности над 8 (9) главой романа, недостаточно отражается в Большом академическом собрании сочинений. О том, что рукопись романа создавалась с большими перерывами во времени и не в том подчас порядке, в каком строфы следуют в окончательном тексте, мы мо-

жем лишь догадываться по эпизодическим пометам (см., например, VI, 518: 5 октября 1831 г. Пушкин закончил черновик письма Онегина Татьяне; VI, 629: в 1831 г. написана XXV строфа восьмой главы и т. д.).

В истории пушкинской текстологии было время увлечения т. н. методом транскрипций, когда текстолог свою главную и единственную задачу видел в том, чтобы прочесть все слова рукописи без попытки понять характер связи между ними, без стремления проникнуть в развитие художественной мысли автора.

Метод транскрипций подвергся справедливой критике, но одна из его модификаций распространена до сих пор. Во всех современных собраниях сочинений Пушкина в разделе «Из ранних редакций» публикуются выпущенные или пропущенные Пушкиным строфы, а также более мелкие связные отрывки из «Евгения Онегина» опять-таки без указания на время их создания и на место в развитии замысла художника.

В самом деле, если справедливо, что транскрипция «передает лишь пространственное, т. е. одноплановое, плоскостное расположение материала, передает текст статически, а не во времени..., не раскрывая творческого процесса, воплощенного в черновом тексте»¹⁵, то не менее справедливо и то, что простое перечисление в приложениях к художественным текстам законченных, но выпущенных по тем или иным соображениям строф, не снабженное комментариями и указанием на последовательность их возникновения, являет собой один из вариантов все того же «плоскостного расположения материала». В первом случае мы имели дело с набором отрывочных записей¹⁶, а во втором — с набором строф¹⁷. Разница, конечно, есть, но формальный подчас набор строф мало что объясняет читателю. Так, например, публикация выпущенных из романа строф, имеющих отношение к теме нашей статьи, в Малом академическом издании сочинений Пушкина не только не проясняет истории их создания, но рождает недоумение (почему, например, в этих строфах противоречиво охарактеризован свет)¹⁸. А отрывочный вариант: «Annette Olenine тут была», который в рукописи фиксирует лишь промежуточную стадию работы, будучи опубликованным без указания на время возникновения и место в творческой истории главы, невольно приобретает самостоятельное значение, которого ему Пушкин никогда не придавал.

¹⁵ Н. В. Измайлов. Текстология, стр. 567.

¹⁶ М. Л. Гофман. Пропущенные строфы «Евгения Онегина». — В кн.: «Пушкин и его современники». Вып. 33—35, Петербург, 1922, стр. 276, 280—285.

¹⁷ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах. Т. 5, Изд. АН СССР, «Наука», М., 1964, стр. 553—556.

¹⁸ Там же, стр. 553—556.

В новом научном издании сочинений Пушкина необходима более строгая дифференциация всех публикуемых рукописных материалов в разделе «другие редакции и варианты»; необходимо выделять основные слои записей, в первую очередь относящихся к наиболее значительным произведениям Пушкина, фиксируя тем самым последовательность и разные уровни работы Пушкина над ними¹⁹.

Читатели, обращаясь к «другим редакциям и вариантам», должны получить научно обоснованное и наглядное представление, разумеется, в самых общих чертах²⁰, о развитии замысла Пушкина во время его работы над черновыми и белыми рукописями всех его наиболее значительных произведений. Более дифференцированная публикация пушкинских рукописей должна стать нормой текстологической и издательской практики.

¹⁹ В этой работе полезно опереться на опыт С. М. Бонди, который в своей статье об истории заполнения Пушкиным альбома 1833—1835 годов выделил шесть слоев записей и составил схему истории заполнения альбома. (См.: «Рукописи Пушкина. Фототипическое издание. Альбом 1833—1835 гг.». Комментарий под ред. С. Бонди, ГИХЛ, М., 1939, стр. 16—22). Научная общественность должна поддержать давно назревшее требование составления и издания «научных описаний всех рабочих (и всех бывших «жандармских») тетрадей Пушкина — описаний, снабженных «историей заполнения каждой тетради». (См.: «Пушкин. Итоги и проблемы изучения». Изд. «Наука», М.—Л., 1966, стр. 577).

²⁰ Более детальный анализ творческой истории требует, естественно, специального изучения, которое будет облегчено и начнется на более высоком уровне, чем это можно сделать сегодня, если оно будет опираться на более дифференцированную публикацию рукописей в собрании сочинений

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ им. С. М. КИРОВА

КАФЕДРА ЛИТЕРАТУРЫ

ПУШКИНСКИЙ СБОРНИК

ПСКОВ

1968